

ТАМГООБРАЗНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОРНЫХ КОЗЛОВ, ИЛИ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФАРНА ДРЕВНЕТЮРКСКИХ КАГАНОВ

Тамгообразные изображения горных козлов, нанесенные на стенах с надписями-эпитафиями тюркских каганов, впервые были открыты в Монголии во время работ Орхонской экспедиции В.В. Радлова [Радлов 1892: табл. XVI]. Позднее А.Д. Грач по результатам своих исследований в Туве выделил целый пласт наскальных изображений горных козлов, датировав их по аналогии с орхонскими древнетюркским временем и обозначив по местонахождению рисунками типа Чуругтуг-Кырлан [Грач 1957: 390]. Была определена и семантика подобных изображений, которые, по мнению А.Д. Грача, являлись «символом каганской власти» или (по месту их расположения на стеле) «заменой имени кагана и приравненного к нему лица» [Грач 1973: 322].

Однако ареал распространения подобных или стилистически близких к ним изображений оказался чрезвычайно широк — от Монголии и Тувы на востоке до Тянь-Шаня и Памиро-Алтая на западе, что ставило под сомнение их столь однозначное культурное и хронологическое определение. В объяснении этого феномена сложились две точки зрения. Одна заключалась в том, что схематические рисунки горных козлов на скалах Центральной и Средней Азии «можно в значительной степени определить как памятник политического характера, которым наносивший его человек подчеркивал свою принадлежность к данному политическому объединению» [Савинов 1964: 143]. В принципе это соответствовало установленным границам Древнетюркского каганата. Согласно другой точке зрения, изначально было дано неверное хронологическое определение всего изобразительного пласта подобных изображений, большинство из которых следует относить не к древнетюркскому, а к значительно более раннему — скифскому — времени [Маннай-оол 1967]. Одним из аргументов в пользу этого утверждения было то, что «при раскопках средневековых курганов как в Туве и в Мон-

голии, так и на Алтае не найдено ни одного предмета (украшения, какого-либо произведения искусства или орнамента), сюжетом которого было бы изображение горных козлов, подобных выбитым на скалах» [Маннай-оол 1970: 43]. Позднее, анализируя комплекс стел с изображениями из Хачи-Хову (Южная Тува), к этой точке зрения присоединился Л.Р. Кызласов [1979: 78].

Несколько «мягче» к решению данной проблемы подошел А.А. Формозов, отметивший, что «материал говорит о том, что силуэты козлов безусловно высекали на скалах в середине и во второй половине I тыс. до н.э., но все же не о том, что их делали только в это время. Тюркские тамги в виде горного козла, вырезанные на стеле Кюль-Тегина и других подобных памятниках, сбрасывать со счета не приходится» [Формозов 1989: 76]. Критический отзыв М.Х. Маннай-оола вызвал не менее развернутый отклик А.Д. Грача, отстаивавшего свою точку зрения [Грач 1973]. Однако в целом дискуссия осталась незавершенной. Смысл ее заключался в том, что, как справедливо отметил Я.А. Шер, «действительно, горные козлы вообще выбивались на скалах с незапамятных времен и почти до наших дней. Но ведь речь идет не о том, что изображено, а о том, как изображено данное животное» [Шер 1980: 254–255, прим. 20].

Главная стилистическая особенность всех изображений горных козлов типа Чуругтуг-Кырлан (с учетом отмеченной выше дискуссии вряд ли стоит сохранять это «неудобное» наименование) — строгая профильность и передача рогов, туловища и ног линиями одинаковой толщины. В наиболее законченном, действительно тамгообразном виде они представлены в верхней части датированных стел периода Второго тюркского каганата. В этом отношении датировка именно этих изображений не требует дополнительных доказательств. Последний по времени выхода в свет корпус подобных памятников, включающий рисунки на стелах, древнетюркских каменных изваяниях, фигурах животных из мемориальных комплексов и в наскальных изображениях, представлен в монографии З. Самашева, Н. Базылхана и С. Самашева «Древнетюркские тамги» [Самашев, Базылхан, Самашев 2010].

Всего по этому своду можно говорить приблизительно о 12–15 таких изображениях из Монголии. Наиболее известные из них — памятники Кюль-Тегина и Бильге-кагана, древнетюркские извая-

ния из Кошо-Цайдама, фигуры животных из Унгету и Шивэт улана, рисунки на стенках саркофагов из Шатар чулуу, Асхетский рельеф и некоторые другие [Там же: рис. 20–34]. Из тувинских материалов приведена только стела из Хачи-Хову [Там же: рис. 57]. На территории Казахстана таких изображений не обнаружено.

К приведенным в своде тамгообразным изображениям горных козлов надо добавить два древнетюркских изваяния с такими изображениями из Южной Тувы — из долины р. Саглы и Улаатая [Грач 1961: табл. III, № 38, 48], а также рисунок на стеле из Булуна [Грач 1957: табл. X]. Из горно-алтайских находок в первую очередь следует отметить аналогичное изображение фигурки горного козла на доньшке сосуда, найденного при раскопках древнетюркской оградки на р. Юстыд [Кубарев 1979: рис. 8, 9]. Это первая находка, об отсутствии которой писал в свое время М.Х. Маннай-оол. Таким образом, выделяются всего около 20 фигур, отличающихся теми же стилистическими особенностями. В сочетании с руническими надписями подобные изображения найдены в петроглифах Монголии и только один случай в Минусинской котловине [Кляшторный 1976: рис. 7] — стране обитания енисейских кыргызов — извечных противников тюрков-туго.

Появление тамгообразных фигур горных козлов (как следует из перечисленного выше, их количество по сравнению с массой рисунков горных козлов в петроглифах было весьма незначительным) следует рассматривать как результат схематизации определенного круга изображений. Схематизация есть упрощение реалистического рисунка/образа за счет опускания мелких деталей и подчеркивания наиболее характерных черт изображаемого объекта. Сохранение этих черт является необходимым условием для превращения любого рисунка в заранее обусловленную схему (символ, тамгу). Как правило, эти черты, или признаки, являются константной величиной. Поэтому любое такое изображение предусматривает прежде всего наличие схемы, иначе говоря — приема, которым оно выполняется. Главным критерием в определении этого приема следует считать «основную линию» изображения, то есть его основу, то, что выполняется прежде всего.

По имеющимся изображениям бесспорно древнетюркского времени можно выделить несколько таких «основных линий».

1) Передача передней части фигуры животного в виде «фигурной скобки»: сначала выполняются одним «росчерком» рог, морда и передние ноги, к ним прибавляются линия туловища, хвост, задние ноги (рис. 1: 1, 2, 9).

2) Основная часть изображения выполняется в виде округлой линии, передающей рог, туловище и хвост, к которой пририсовываются ноги (рис. 1: 3, 4).

3) П-образное построение фигуры, когда одной линией изображаются туловище и ноги, к которым прибавляются морда, рог и хвост (рис. 1: 5, 6).

4) Изогнутая, условно S-образная линия, когда одним «росчерком» передаются рог, туловище и задние ноги, к которым прибавляются морда, передние ноги и хвост (рис. 1: 7, 8).

Очевидно, что и другие изображения, выполненные с соблюдением тех же приемов, с наибольшей вероятностью могут относиться к тому же времени. И хотя в ряде случаев наличие той или иной «основной линии» трудно уловить, все же появляется критерий выделения действительно рисунков древнетюркского времени из всей массы похожих, но разновременных петроглифов с изображениями горных козлов. Именно сохранению «основной линии», которая представляет как бы «выжимку» наиболее характерных черт реалистического изображения, схематические рисунки обязаны своей динамичностью и близостью к натуре.

Другой вопрос, уже имеющий непосредственное отношение к теме нашего семинара: почему именно фигура горного козла заняла столь почетное место в специально выделенной картуши, венчающей стелы тюркских каганов, и, по определению А.Д. Грача, стала «как бы заменой имени кагана и приравненного к нему лица» [Грач 1973: 322]. Поиски какого-либо вразумительного ответа на этот вопрос ни в письменной, ни в эпической традиции ничего не дали; поэтому приходится довольствоваться косвенными, но тем не менее вполне весомыми соображениями. Поскольку «классические» тамгообразные изображения горных козлов венчают мемориальные стелы тюркских каганов, то есть являются частью памятников государственного значения, очевидно, следует в первую очередь обратиться к политической истории того господствующего слоя населения, символом которого они являлись.

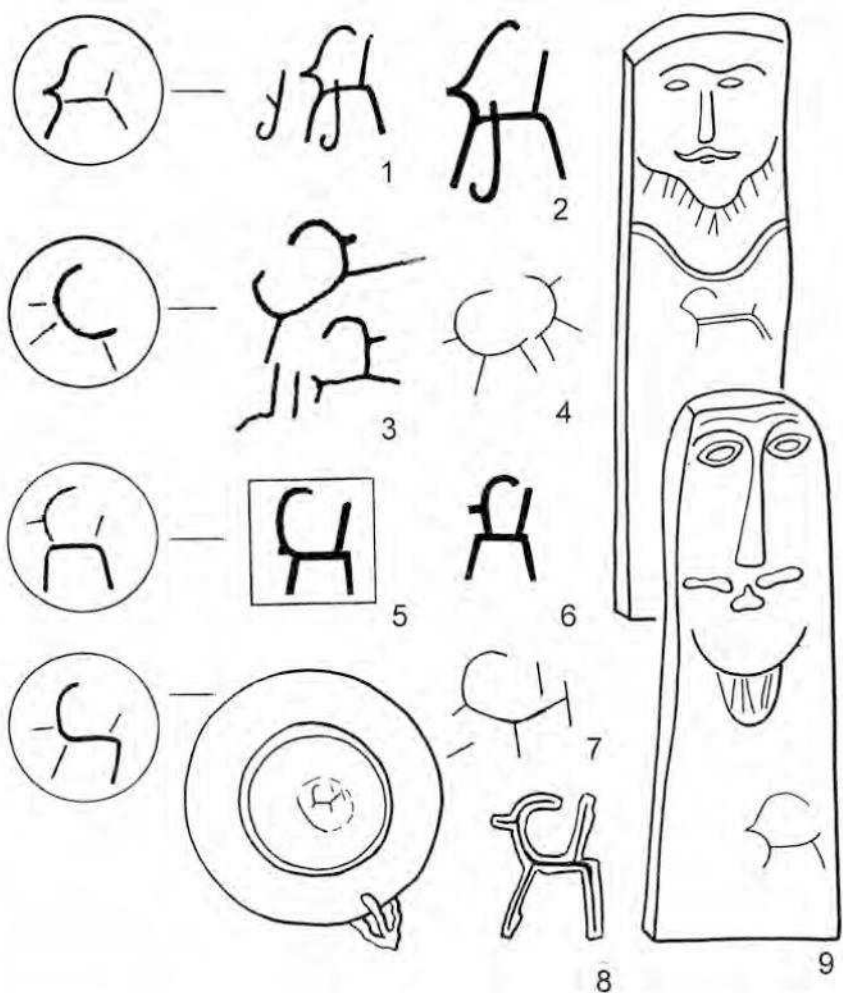

Рис. 1. «Основные линии» в тамгообразных изображениях горного козла и примеры их использования (период Второго тюркского каганата):

1, 2 — на мемориальных стелах; 3–5, 8 — на саркофагах и фигурах животных из мемориальных комплексов; 6 — на стелах без надписей;

7 — на серебряном сосуде; 9 — на древнетюркских изваяниях.

1 — Онгинский памятник; 2 — памятник Элетмиш кагана;

3 — Шивет-Улаан; 4 — Унгету; 5 — Асхетский рельеф; 6 — Кошо-Цайдам;

7 — Юстыд; 8 — Унгету; 9 — Улаатай, Саглы.

1–6, 8 — Монголия; 7 — Горный Алтай; 9 — Тува

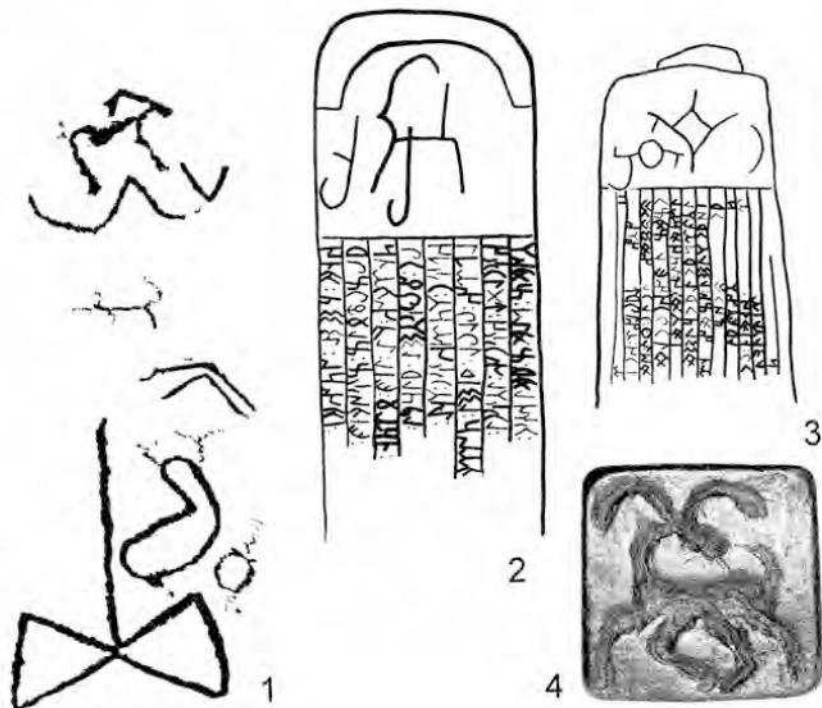

Рис. 2. Династийно-правовые символы эпохи раннего Средневековья:
 1 — стела из Хачи-Хову (Южная Тува), предположительно период Первого тюркского каганата (по И.А. Батманову, З.Б. Арагачи, Г.Ф. Бабушкину);
 2 — Онгинский памятник (Монголия), период Второго тюркского каганата (по И.Л. Кызласову); 3 — памятник Боян-Чора (Монголия), период Уйгурского каганата (по И.Л. Кызласову); 4 — изображение на печати из поселения Дурены (Забайкалье), хуннское время (по А.В. Давыдовой)

Очевидно, что если не все, то во всяком случае абсолютное большинство подобных изображений горных козлов, как и орхонские памятники с руническими надписями-эпитафиями и большинство древнетюркских каменных изваяний, относится к периоду Второго тюркского каганата, героическая история которого началась в 679 г. с восстания в Отоукенской черни (Хангай) древних тюрков, переселенных сюда после гибели Первого тюркского каганата. Считается, что это было выступление привилегированного тюркского воинства, во главе которого стал Кутлуг или Ильтерес каган (кит. Гудулу) — «дальний родственник Хйели» [Бичурин 1951: 266], последнего правителя Первого тюркского каганата из династии Ашина. После смерти Ильтерес кагана страну возглавил его брат Капаган (кит. Мочжо), который «сам объявил себя ханом», поскольку сын Ильтерес кагана (будущий Бильге каган) «по малолетству не получил престола» [Там же: 269]. За этими отрывочными сведениями проступает необходимость восстановления уже поверженной династии и подтверждения правопреемственности вновь появившихся правителей, что потребовало введения каких-то новых символов (знаковых обозначений), сам факт демонстрации которых являлся бы констатацией легитимности этого положения. К числу таких династийных символов, по всей видимости, и относятся тамгообразные изображения горных козлов, занявшие самое почетное место на мемориальных стелах правителей Второго каганата.

Принадлежность их к этому времени, помимо изображений на стелах, подтверждается и другими наблюдениями. Так, в мемориальном комплексе из Унгету, сооружение которого относится к краткому периоду каганата Сеяньто (между временем господства Первого и Второго тюркских каганатов), такие рисунки горных козлов выбиты на стенках саркофагов и скульптурных изображениях животных, появившихся здесь после того, как был разрушен начальный сеяньтоский комплекс, сеяньтоские изваяния были сброшены в ров или из них были сделаны камни-балбалы [Войтов 1987]. На известной Бугутской стеле (самый ранний памятник с мемориальными надписями, относящийся к 581–587 гг.) в венчающей ее части находится изображение волка/волчицы, что соответствует генеалогической легенде о происхождении древних тюрков [Кляшторный, Лившиц 1978: 51]. Очевидно, образ горного козла в своем новом качестве

еще не появился. А на стеле Боян-чора (Элетмиш кагана), предводителя уйгуров, разбившего тюрков Второго каганата в 742 г., на том месте, где традиционно должно было находиться изображение горного козла, выбиты тамговые знаки, характерные уже для периода Уйгурского каганата (рис. 2: 3) [Кызласов 1994: рис. 36; Самашев, Базылхан, Самашев 2010: рис. 48, 49]. На стеле из Карабалгасуна, столицы Уйгурского каганата, изображение горного козла как знак поражения противника вообще находится внизу, ниже рунической надписи [Там же: рис. 28].

Можно предполагать, что образ горного козла, заимствованный из глубокой «скифской» архаики и понятный всему населению, лучше всего демонстрировал правопреемственность власти создателей Второго тюркского каганата. Вполне вероятно, что на каком-то этапе он контаминировался (или инкорпорировался) с культом Неба, заимствованным древними тюрками из идеологии хуннских правителей. «Небом поставленный тюркский каган», «небоподобный, неборожденный тюркский каган» — говорится в надписях Кюльтегина и Бильге-кагана [Малов 1951: 33; 1959: 20]. По С.Г. Кляшторному, Капаган каган «не был избран Небом, а сам сел на царство», о времени его правления прямо сказано: «Тогда в Отюкенской черни не было хорошего (настоящего) владыки» [Кляшторный 2003: 245]. Можно предположить, что на его памятнике (если он и был установлен) не было фигуры горного козла. Нет его и на стеле Тонькука, мудрого советника тюркских каганов, но не принадлежавшего к правящей династии. В свете всего сказанного тамгообразные изображения горного козла следует рассматривать в первую очередь как памятники династийного характера.

Интересно, что на стеле из Хачи-Хову (Южная Тува), на одном из ранних (или периферийных?) памятников подобного рода, венчающая ее фигура горного козла, также выделенная специально сделанной картушью, в стилистическом отношении еще очень близка наскальным изображениям (рис. 2: 1). Нельзя исключать и каких-то остатков тотемических представлений, которые могли сохраняться очень долго в консервативной скотоводческой среде.

Почему именно горный козел стал таким объектом внимания и почитания в социальной системе древнетюркской иерархии? Вероятно, в этом сказались и среда его обитания на вершинах окружа-

ющих гор, что символизировало близость к Небу; и связанная с этим солярная окраска данного образа, которую можно проследить еще с эпохи бронзы; и обилие древних изображений горных козлов в наскальных изображениях, свидетельствующее о «праве обладания» ими этой территорией. Правовая функция горного козла наиболее четко выражена в его изображении на хуннской печати из поселения Дурены (рис. 2: 4), ставшей символом Международной конференции, посвященной столетию гуннской археологии (1996). В стилистическом отношении это совершенно другое изображение, но ведь козел тот же!

В ответе на этот вопрос, наверное, лучше всего обратиться к историческому контексту. Тюркские войска под водительством Ильтес кагана, Бильге кагана и Кюль тегина вели постоянные войны в Центральной и Средней Азии. Для их победоносного завершения было необходимо, чтобы им сопутствовали удача, благопожелание, какие-то символы воинской доблести и славы. Этим условиям, очевидно, более всего соответствовал образ гордого обитателя снежных вершин горного козла, взятый из изобразительной (а возможно, и эпической) традиции героических предков, который они постоянно видели на скалах в действительных пределах их успешных завоеваний.

Можно предполагать, что преобразование прежних, в основном еще реалистических, изображений горных козлов, характерных для наскального искусства предшествующего времени, в крайне схематический рисунок, тамгу могло быть «государственным» заказом и произойти в какой-то минимальный срок благодаря изобретению «основных линий», что сразу выделило их из окружающего мира петроглифов и не дает возможности для типологических построений. Насколько другие подобные рисунки на скалах могли предшествовать древнетюркским тамгообразным символам или, наоборот, быть их последующими воспроизведениями, сказать трудно.

По своему значению образ горного козла в древнетюркской социальной символике, скорее всего, соответствует понятию древнеиранского *фарна* как обозначения солнечного начала (вероятно, в древнетюркской мифологии одна из ипостасей Неба), божественной сущности, харизмы, могущества и удачи [Мифологический словарь 1992: 569]. В иранской религиозно-мифологической тради-

ции фарн нередко трансформируется в зооморфные образы: птицы, барана и — в данном случае — горного козла. Как особое божество, фарн входил в состав согдийского пантеона, откуда, возможно, вместе с основами рунической письменности был заимствован тюрками Второго каганата и здесь приобрел статус знакового обозначения кагана и других представителей древнетюркской правящей династии.

Библиография

- Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф.* Современная и древняя енисеика. Фрунзе, 1962.
- Бичурин (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1951. Т. 1.
- Бородовский А.Н.* Фарн скифского времени в Сибири и особенности изображения рога // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 2. С. 135–140.
- Войтов В.Е.* Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 92–109.
- Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996.
- Грач А.Д.* Петроглифы Тувы I (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сб. МАЭ. М.; Л., 1957. Т. 17. С. 385–428.
- Грач А.Д.* Древнетюркские изваяния Тувы (по материалам исследований 1953–1960 гг.). М., 1961.
- Грач А.Д.* Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла // ТС 1972 г. М., 1973. С. 315–333.
- Кляшторный С.Г.* Руническая эпиграфика Южной Сибири (наскальные надписи Тепсея и Турана) // СТ. 1976. № 1. С. 66–70.
- Кляшторный С.Г.* Наскальные рунические надписи Монголии, I (Тэс, Гурвалжин-ула, Хангыта-Хат, Хэнтай) // ТС 1975 г. М., 1978. С. 151–158.
- Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
- Кляшторный С.Г., Ливиниц В.А.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 37–60.
- Кубарев В.Д.* Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 135–160.
- Кызласов И.Л.* Рунические письменности Евразийских степей. М., 1994.